

Я.В. Рафикова

НЕОДНОВРЕМЕННЫЕ ПАРНЫЕ АЛАКУЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОЧНОСТИ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН, проект № 255, и в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.

Рассматриваются известные на сегодняшний день 10 неодновременных парных алакульских погребений. Выделены три их варианта, в которых состояние останков ранее захороненных покойников отражает разные временные промежутки между подхоронениями. На основании фактов подхоронений индивидов обоих полов и отсутствия корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью, делается вывод о равном посмертном статусе мужчины и женщины.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы; алакульская культура; неодновременные парные погребения; брачные союзы.

Парные разнополюе погребения эпохи поздней бронзы Евразии в советской археологии традиционно являлись источником для реконструкции семейно-брачных и социальных отношений. Основные работы, посвященные этой теме, вышли в 1930–1980 гг. Дискуссионными моментами в них являлись вопросы общественного устройства (в рамках господствующей в то время в отечественной исторической науке формационной теории обосновывались матриархальные, патриархальные или же переходные между ними модели), а также статуса женщины (равноправного или подчиненного по отношению к мужчине). Разногласия исследователей касались в основном интерпретации одновременных парных погребений.

Большинство авторов этого времени приняли доводы М.И. Артамонова, изложенные им в основополагающей статье 1934 г., где было предложено единственно возможное, по его мнению, объяснение одновременности парных захоронений умерщвлением женщины (жены / наложницы / рабыни) для сопровождения в могиле мужчины-господина [1].

Такая интерпретация послужила своего рода матрицей, которой объяснялись все совместные разнополюе одновременные погребения различных культур эпохи неолита–бронзы [2. С. 33; 3. С. 52; 4. С. 380; 5. С. 24; 6. С. 60; 7. С. 222; 8. С. 119–120; 9. С. 55–56]. Неодновременные парные погребения в этот период практически не были известны, а единичные такие погребения трактовались также с позиции подчиненности (зависимости) женщины. Например, Г.В. Подгаецкий, в 1936 г. исследовавший неодновременное погребение оградки 4 Ново-Аккермановки, в котором положение останков женщины отступало от канонического, объяснил этот факт убийством женщины и сбросом ее тела в могилу к покойнику мужчине [10. С. 81].

В середине XX в. была открыта основная масса неодновременных парных погребений на территории Евразии в могильниках алакульской, тазабаябской, бешкентско-вахшской культур. Их исследователи были едины в рассмотрении этих погребений как захоронений равноправных супругов и считали их свидетельством укрепления парной, индивидуальной или

нуклеарной семьи [7. С. 225; 8. С. 120; 9. С. 53–55; 11. С. 101, 120; 12. С. 46]. В это же время была пересмотрена и трактовка неодновременного захоронения из Ново-Аккермановки (см. ниже). Видимо, открытие этих погребений повлияло на объяснение и одновременных погребений в данных культурах не с позиций женской зависимости, а с позиции равноправного брака [11. С. 118–120; 12. С. 46; 13. С. 15]. Принятие этого не всегда было простым, например, одна из главных исследователей проблемы парных погребений эпохи поздней бронзы Евразии, М.А. Итина, последовательно отстаивавшая тезис о сопровождении мужчин из одновременных парных погребений умерщвленными женщинами, принадлежащими к зависимым категориям (рабыням / наложницам) [6. С. 60; 7. С. 222], только в последней своей работе признала и за ними равный с мужчинами статус [14. С. 139].

На сегодняшний день увеличение выборки как одновременных, так и неодновременных парных погребений происходит только в алакульских древностях. Основное внимание современных исследователей приковано к одновременным погребениям. В отличие от исследований прошлых лет, сейчас «трендовыми» стали символические их интерпретации. Авторы в одновременных парных погребениях видят воплощение идеи «священного брака», «божественных близнецов», «послания богам или потусторонним силам» [15. С. 144–145, 148, 151; 16. С. 142–146; 17. С. 63]. Однако неодновременные парные погребения остаются вне поля зрения исследователей, видимо, из-за очевидных трудностей объяснения их в том же ключе.

Со времен дискуссий советской эпохи количество известных алакульских неодновременных погребений удвоилось, сейчас автор располагает сведениями о десяти таких захоронениях, составляющих 1/7 часть от всех 70 алакульских парных захоронений.

Большинство из них происходит из кожумбердынских могильников (погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребение 11 кургана 2 Ташла-1, погребение оградки 4 Ново-Аккермановка, погребение 1 оградки 9 Байту II, погребения курганов 1 и

2 Гюрюльдек, погребение оградки 4, погребение 1 оградки 30 и погребение оградки 43 Тасты-Бутак 1), кроме срубно-алакульского погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I, находящегося несколько север-

нее остальных (рис. 1). Рассматриваемые погребения относятся к классическому (развитому) этапу позднего бронзового века и датируются в пределах XVIII–XVI вв. до н.э.

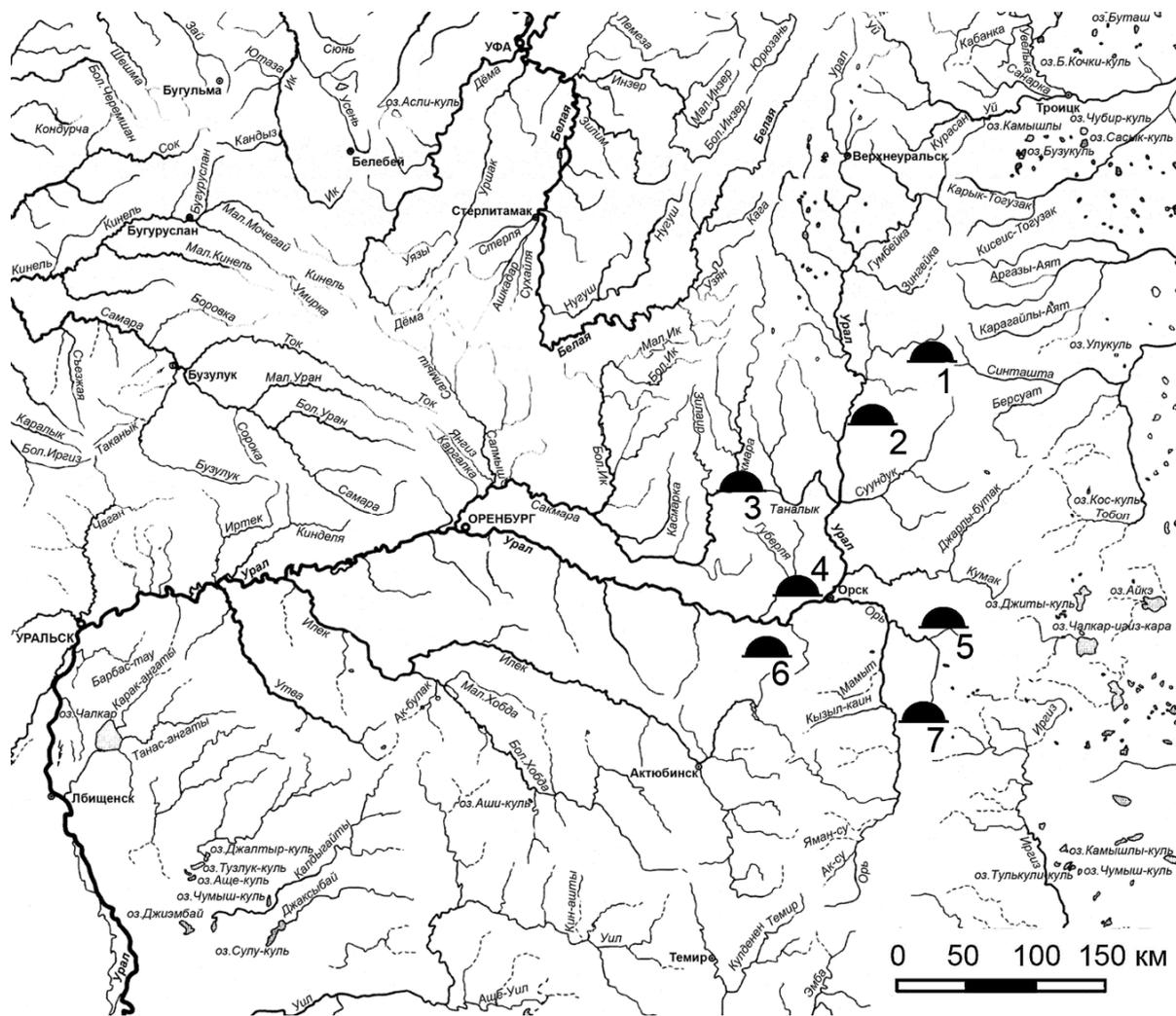

Рис. 1. Могильники эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана с парными погребениями. 1 – Каменный Дол I; 2 – Березовский V; 3 – Ташла-1; 4 – Ново-Аккермановка; 5 – Байту II; 6 – Гюрюльдек; 7 – Тасты-Бутак 1

Анализируемая выборка состоит в основном из погребений взрослых, только одно погребение детское (погребение 11 кургана 2 Ташла-1). Преобладает центральное расположение могил (8 из 10), периферийное размещение представлено единственным в группе детским захоронением 11 кургана 2 могильника Ташла-1, и еще в одном случае локализация могилы на подкурганной площадке нам не известна – погребение 1 кургана 2 Каменного Дола I¹. Конструктивными особенностями (деревянный сруб и обкладка по периметру дна могил камнями с деревянной рамой) и внушительными размерами могил (4,5 × 3 м и 3,2 × 1,9 м) выделяются гюрюльдекские погребения, которые, судя по керамическому материалу, являются хронологически наиболее ранними [19. С. 267, 269].

Одной из существенных особенностей рассматриваемых захоронений является то, что состояние останков ранее похороненного индивида практически

во всех погребениях различно. В зависимости от него, можно выделить три варианта погребений.

Вариант 1 представлен всего одним захоронением, где останки первоначально погребенного находились в сочлененном состоянии и полном порядке (рис. 2, 1). Вариант 2 представлен тремя погребениями, где отдельные кости первоначально погребенного сдвинуты либо частично отсутствуют, но сочлененность скелета в целом сохранена (рис. 2, 2–4). Вариант 3 включает шесть погребений, в которых останки ранее захороненного находятся в виде груды костей (рис. 3). Данная вариативность обусловлена, скорее всего, разным временным промежутком между захоронением 1-го и 2-го покойника.

Единственное погребение варианта 1 исследовано в оградке 4 Ново-Аккермановки, где костяк женщины 25 лет находился по уровню выше костяка мужчины 35 лет и лежал на груди (ничком) с согнутыми вправо ногами и расположенными у лица руками (рис. 3, 1).

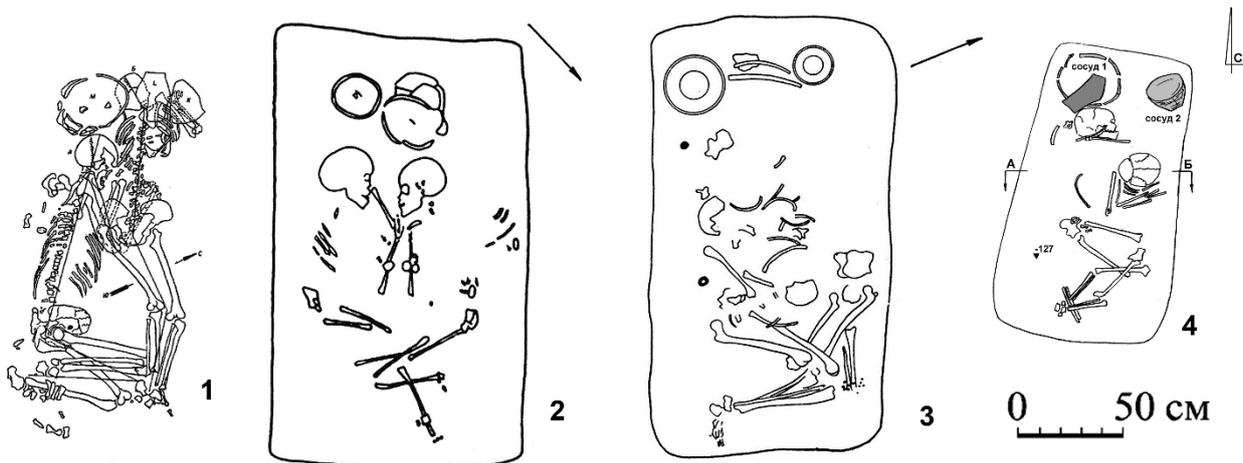

Рис. 2. Парные неодновременные погребения, вариант 1 и вариант 2. Вариант 1 – Ново-Аккермановка, погребение оградки 4. По: [10. Рис. 7]. Вариант 2 – Байту II, погребение 1 оградки 9. По: [12. Рис. 14]; 3 – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 43. По: [11. Табл. XXVII]; 4 – Ташла-1, погребение 11 кургана 2. По: [20. Рис. 2, II]

Упомянутое выше предположение автора раскопок об убийстве женщины и сбросе ее тела в могилу, было оспорено В.С. Сорокиным, по мнению которого «неестественное» положение покойницы обусловлено тем, что могила мужчины была вскрыта вскоре после его погребения для того, чтобы захоронить вместе с ним умершую внезапной неожиданной смертью женщину, связанную с ним узами брака, но из-за «присутствия разлагающегося трупа» невозможно было положить тело женщины в «традиционной позе» [11. С. 106]. Версию В.С. Сорокина поддержала и Е.Е. Кузьмина [12. С. 45].

Вариант 2 представлен тремя случаями, где нарушения целостности скелета ранее захороненного покойника относительно невелики. В погребения 1 оградки 9 Байту II к первоначально захороненному на левом боку мужчине, «когда часть его скелета уже, может быть, распалась, была похоронена богато одетая женщина», положенная на правый бок [12. С. 45].

В другом погребении этого варианта к девушке-подростку 14–16 лет, положенной на правый бок, подхоронен взрослый мужчина (погребение оградки 43 Тасты-Бутак 1). Верхняя часть костяков нарушена, но кости ног обоих покойных не потревожены вторжением «нарушителей» (рис. 2, 3). Колени мужчины перекрывают колени девушки, а ее берцовые кости были сдвинуты при положении в могилу тела мужчины [11. С. 102].

В детском погребении 11 кургана 2 Ташла-1 первоначально был захоронен ребенок, лежащий на левом боку (рис. 2, 4). При подхоронении второго ребенка, тело первого еще не было скелетировано, поскольку бедренные кости его сохранили анатомическую связь с тазом и не сдвинуты, но перемещена одна целая голень [20. С. 153–154].

Вариант 3 представлен шестью захоронениями, в которых скелет первоначально погребенного представляет собой груды костей. В трех случаях это кости мужских скелетов, т.е. женщина была подхоронена к мужчине позже (погребение 1 кургана 6 Березовский

V, погребение 1 оградки 30 Тасты-Бутак 1, погребение кургана 2 Гурюльдек); в двух случаях, наоборот, к женщине подхоронен мужчина (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I, погребение оградки 4 Тасты-Бутак 1) и в одном случае – пол погребенных не определен (погребение 1 кургана 1 Гурюльдек) (рис. 3).

По мнению В.С. Сорокина, впервые исследовавшего такие захоронения, кости ранее погребенного в них покойника вынимались из могилы при подхоронении второго, а затем помещались перед ним в виде груды [11. С. 101–103]. Обращает на себя внимание, что только в одном погребении груды костей размещена слева от позднее захороненного покойника (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I).

Отметим, что лишь в этом варианте имеются захоронения женщин на левом боку, причем как при первоначальном погребении (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I), так и при подхоронении (погребение 1 оградки 30 Тасты-Бутак 1; погребение 1 кургана 6 Березовский V; погребение кургана 2 Гурюльдек). Если учесть погребения других вариантов, то из восьми² неодновременных погребений, где пол погребенных определен, мы имеем равное количество мужчин и женщин, уложенных на левом боку – по четыре. В свое время некоторые исследователи на основании того, что мужчина в парных погребениях укладывался на левом боку, как и большинство усопших из одиночных погребений, делали вывод о главенствующем положении мужчины и подчиненном женщины [7. С. 219]. Если следовать логике предшественников, то получается, что в тех могилах, где женщина положена на левом боку, а мужчина на правом, последний имеет подчиненное по отношению к женщине положение. Скорее всего, это не так. Значение положения на тот или иной бок здесь имеет иное объяснение, нежели чем отношение зависимости. По крайней мере, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их полом может указывать на равноправный посмертный статус обоих индивидов.

Рис. 3. Парные неодновременные погребения, вариант 3.
 1 – Березовский V, погребение 1 кургана 6. По: [21. Рис. 2]; 2 – Тасты-Бутак 1, погребение 1 оградки 30.
 По: [11. Табл. XXI]; 3 – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 4. По: [11. Табл. II]; 4 – Каменный Дол I,
 погребение 1 кургана 2; 5 – Гурюльдек, погребение кургана 1. По: [19. Рис. 1, 4],
 6 – Гурюльдек, погребение кургана 2 По: [19. Рис. 2, 4]

Поза «объятий» фиксируется в двух из рассмотренных погребений – по одному из вариантов 2 (погребение 1 оградки 9 Байту II) и 3 (погребение 1 кургана 6 Березовский V), и в обоих случаях подхороненная покойница «обнимает» мужские останки. Такие же случаи зафиксированы и в одновременных погребениях, но там они не исчерпываются только

женскими объятиями, есть случаи и взаимных объятий, и только мужских объятий [22. С. 236–237].

При рассмотрении неодновременных погребений закономерен вопрос: планировалось ли заранее захоронение второго покойника? По размерам могил, а в некоторых случаях и расположению в них покойников, можно предполагать, что в четырех погребениях подхоронение

не предусматривалось: погребение оградки 4 Ново-Аккермановка, погребение 11 кургана 2 Ташла-1, погребения оградок 4 и 30 Тасты-Бутак 1; в пяти погребениях подхоронение могло предусматриваться, поскольку ширина могил такова, что в них могли уместиться оба покойника в традиционных позах: оградка 9 Байту II³, оградка 43 Тасты-Бутак 1, погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребения курганов 1 и 2 Гурюльдек. Совершенно быть уверенными, что подхоронение предусматривалось заранее, мы можем только в одном случае – в оградке 43 Тасты-Бутока 1, судя по расположенным вплотную к стенке могилы ненарушенных таза и бедер первоначально погребенной девушки, было оставлено достаточно места для размещения второго покойника, к тому же в этом могильнике имеется три могилы (оградки 46, 50 и 55), где покойник лежит вплотную к стенке и оставлено место для второго покойника [11. С. 151, 154, 157; 7. С. 218]. В отношении погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I определенно ответить на поставленный вопрос невозможно, поскольку истинные размеры могилы нам неизвестны.

Строгой зависимости между «запланированностью» или «спонтанностью» подхоронения и половой принадлежностью подхороненного покойника не наблюдается. В том и другом случае, несмотря на преобладание подхоронений женщин, имеется по одному случаю с мужским подхоронением. В целом имеющаяся совокупность неодновременных алакульских погребений демонстрирует чуть большее количество случаев подхоронений женщин (5), чем мужчин (3).

Изложенные факты позволяют прийти к определенным заключениям. Во-первых, центральное расположение могил на погребальной площадке и в некоторых случаях размеры и конструктивные особенности могил подчеркивают значимость парных неодновременных погребений в алакульском тафокомплексе. Вероятно, быть погребенными вместе, даже при достаточно большом временном промежутке между наступлением смерти, было прерогативой пар с повышенным социальным статусом.

Во-вторых, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью и тот факт, что подхоранивались друг к другу индивиды обоих полов, позволяют говорить о равном, по крайней мере, посмертном статусе мужчины и женщины.

В-третьих, разнообразие неодновременных погребений показывает, что они не являются результатом устоявшейся культовой практики, а за каждым погребением стоит своя история. Подхоронения как женщины к мужчине, так и мужчины к женщине, видимо, могут объясняться стремлением равноправных супругов быть захороненными вместе в случае их неодновременной кончины, несмотря на длительность временного промежутка между смертями и очередность наступления оной у одного из них. В русле этого объяснения логично предположить, что и в единственном детском захоронении находится пара детей, связанная узами брачного сговора (так называемый люлечный брак), кончина которых наступила также в разное время. Таким образом, гипотеза, согласно которой парные неодновременные погребения представляют захоронения равноправных супругов, высказанная исследователями более полувека назад, и сегодня является наиболее убедительной.

Требует комментария очень неравномерное соотношение между одновременными (70) и неодновременными (10) алакульскими парными погребениями. Возможно, истина кроется в том, что при наступлении одновременной или очень близкой по времени смерти супругов, например из-за инфекционных заболеваний⁴, похоронить их в одной могиле было проще всего. А когда смерть супружеской пары была разделена во времени, такой возможности мог помешать целый ряд обстоятельств. Но, тем не менее, рассмотренные погребения дают возможность предполагать, что некоторые пары отличала особая прочность брачного союза, выразившаяся в желании супругов быть упокоенными в одной могиле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор благодарен И.Э. Любчанскому, разрешившему использовать в данной работе этот неопубликованный комплекс источников, а также А.А. Каздыму, Ф.Н. Петрову, Е.В. Куприяновой, Д.Г. Здановичу и И.В. Ульянову, способствовавшим поиску сведений об этом погребении. Краниологический материал из этого погребения рассмотрен Е.П. Китовым [18. С. 96–97. Рис. 4].

² В двух погребениях – детском (погребение 11 кургана 2 Ташла-1) и взрослом (погребение кургана 1 Гурюльдек) нет ни профессиональных определений пола, ни поломаркирующего инвентаря.

³ Е.Е. Кузьмина указала, что «женщину буквально втиснули в могилу» [12. С. 45], однако план погребения показывает свободное расположение костяков.

⁴ Автор данной работы неоднократно высказывал это предположение [23. С. 81; 24; 25. С. 141], а недавно оно было подтверждено и обнаружением ДНК бактерии бубонной чумы у индивидов из парного погребения Михайловского II могильника срубной культуры в Самарской области [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 108–125.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. Т. 1. 364 с.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Т. 2. 644 с.
4. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I и II // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. № 18. 412 с.
5. Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXVI. 1957. С. 21–28.
6. Итина М.А. Раскопки могильника тазабагыяской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1961. Вып. 5. С. 3–96.

7. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. 240 с.
8. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. № 145. Л., 1968. 162 с.
9. Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. 1987. Вып. 4.
10. Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орса // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69–82.
11. Сорокин В.С. Могильник эпохи бронзы Тасты-Булак 1 в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. 207 с.
12. Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // Краткие сообщения Института археологии. 1964. № 97. С. 39–49.
13. Максименков Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 8–17.
14. Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986. 200 с.
15. Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : АвтоГраф, 2008. 244 с.
16. Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск : Издательский дом «Наука», 2016. 290 с.
17. Берсенева Н.А. Дети в неиндивидуальных захоронениях эпохи бронзы Южного Урала: объект или субъект? // Археологическое наследие Центрального Казахстана. Изучение и сохранение : сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы : Науч.-иссл. центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 61–64.
18. Китов Е.П. Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Серия: История. 2008. № 5. С. 96–105.
19. Бисембаев А.А., Умрихин С.М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актобинской области // Краткие сообщения Института археологии. 2011. № 225. С. 263–274.
20. Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск : Чел. ГKM, 2015. С. 151–159.
21. Федоров В.К., Рафикова Я.В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Уфа, 1996. Вып. 6. С. 49–71.
22. Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228–243.
23. Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72–83.
24. Неразлучные. Интервью В.И. Мухаметдинова с Я.В. Рафиковой от 07.05.2017 // <http://archeology-rb.ru/index.php/blog/item/417-zapis-v-bloge-nomer-1> (дата обращения: 9.05.2017).
25. Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2017. 244 с.
26. Spyrou Maria A., Tukhbatova Rezeda I., Chuan-Chao Wang, Valtueña Aida Andrades, Lankapalli Aditya K., Kondrashin Vitaly V., Tsybin Victor A., Khokhlov Aleksandr, Kühnert Denise, Herbig Alexander, Bos Kirsten I. & Krause Johannes. Analysis of 3800-year-old *Yersinia pestis* genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // *Nature Communications* volume 9, Article number: 2234 (2018). URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9> (дата обращения: 15.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 19 января 2020 г.

Non-Simultaneous Paired Alakul Burials as a Proof of Stable Marital Unions of the Late Bronze Population of South Urals and West Kazakhstan

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 131–137.

DOI: 10.17223/15617793/455/19

Yanina V. Rafikova, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: ziada@bk.ru

Keywords: Late Bronze Age; Alakul Culture; non-simultaneous paired burials; marital unions.

The study is supported by the basic research program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Project No. 255, and conducted in the framework of the state task of the Institute for History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

The aim of the article is to examine the currently known Alakul non-simultaneous paired burials and their interpretation taking into account all the accumulated information. An essential feature of the burial is the different state of the remains of originally buried individuals (from those found in perfect order to a pile of bones). It reflects different time intervals between the burial of the first and second deceased. Three types are identified: (1) the remains of the originally buried person are in the articulate state and full order (1 burial); (2) some bones of the originally buried individual are shifted or partially absent, but the articulation of the skeleton is generally preserved (3 burials); (3) the remains of the originally buried individual are in the form of a pile of bones (6 burials). In five cases women were later buried to the originally buried men and vice versa men were later buried to the originally buried women (3 cases). Taking into consideration the fact that both men (4 cases) and women (4 cases) were buried on their left side (a position which is considered to be more prestigious) allows speaking about their equal posthumous status. Whether the burials were planned (5?) or spontaneous (4), they did not depend on the sex of individuals buried later. The burials with the central location of the grave under the mound prevail, which indicates a higher social status of the individuals in such burials. The peculiarity of practically each non-simultaneous burial shows that they were not the result of an established cult practice. Each burial has its individual history. Burying both a woman to the originally buried man and a man to the originally buried woman can probably be explained by the desire of equal spouses to be buried together in case of their non-simultaneous demise despite the time interval between the deaths and their sequence. The uneven ratio between the quantity of simultaneous (70) and non-simultaneous (10) Alakul paired burials can be explained by the higher possibility of spouses to be buried together in case of their simultaneous or close in time death than in case of a longer period of time between their non-simultaneous deaths. Nevertheless, the burials examined show that a number of married couples, apparently, were distinguished by a special strength of marital unions, embodied in their repose in one grave, regardless of the difference in the time of death.

REFERENCES

1. Artamonov, M.I. (1934) Sovmestnye pogrebeniya v kurganakh so skorchenymi i okrashennymi kostyakami [Joint Burials in Mounds With Crouched and Painted Bones]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 7–8. pp. 108–125.
2. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
3. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
4. Okladnikov, A.P. (1950) Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. I i II [The Neolithic and the Bronze Age of Pribaikalye: Historical and Archaeological Research. Parts I and II]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 18.
5. Gryaznov, M.P. (1957) Etapy razvitiya khozyaystva skotovodcheskikh plemen Kazakhstana i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy [Stages of Development of the Economy of the Cattle-Breeding Tribes of Kazakhstan and South Siberia in the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. XXVI. pp. 21–28.
6. Itina, M.A. (1961) Raskopki mogil'nika tazabag'yabskoy kul'tury Kokcha 3 [Excavations of the Burial Ground of the Tazabagyab Culture of Kokcha 3]. *Materialy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 5. pp. 3–96.
7. Itina, M.A. (1977) *Istoriya stepnykh plemen Yuzhnogo Priaral'ya* [History of the Steppe Tribes of the South Aral Sea Region]. Moscow: Nauka.
8. Mandel'shtam, A.M. (1968) Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikestane [Monuments of the Bronze Age in Southern Tajikistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 145.
9. P'yankova, L.T. (1987) K voprosu o semeynykh i obshchestvennykh otnosheniyakh v epokhu pozdney bronzy (po materialam mogil'nikov vakhshskoy kul'tury) [On Family and Social Relations in the Late Bronze Age (Based on Materials From the Cemeteries of the Vakhsh Culture)]. *Material'naya kul'tura Tadzhikestana*. 4.
10. Podgaetskiy, G.V. (1940) Mogil'nik epokhi bronzy bliz g. Orska [The Burial Ground of the Bronze Age Near Orsk]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1. pp. 69–82.
11. Sorokin, V.S. (1962) Mogil'nik epokhi bronzy Tasty-Butak 1 v Zapadnom Kazakhstane [The Cemetery of the Bronze Age Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 120.
12. Kuz'mina, E.E. (1964) Andronovskie mogil'niki na r. Baytu (o nekotorykh detalyakh andronovskogo pogrebal'nogo obryada) [Andronovo Burial Grounds on the River Baytu (On Some Details of the Andronovo Funeral Rite)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 97. pp. 39–49.
13. Maksimenkov, G.A. (1974) Pogrebal'nye pamyatniki epokhi bronzy Minusinskoy kotloviny – istochnik izucheniya semeynykh i obshchestvennykh otnosheniy [Funeral Monuments of the Bronze Age of the Minusinsk Depression: A Source for Studying Family and Social Relations]. In: Maksimenkov, G.A. et al. *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [The Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 8–17.
14. Vinogradov, A.V., Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1986) *Drevneyshee naselenie nizov'ev Amudar'yi* [The Oldest Population of the Lower Reaches of the Amu Darya]. Moscow: Nauka.
15. Kupriyanova, E.V. (2008) *Ten' zhenshchiny: zhenskiy kostyum epokhi bronzy kak "tekst"* (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana) [The Shadow of a Woman: A Female Costume of the Bronze Age as a "Text" (Based on Materials From the Necropolises of the South Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk: AvtoGraf.
16. Sotnikova, S.V. (2016) *Pogrebal'nye pamyatniki sintashtinskogo i andronovskogo naseleniya kak istochnik po rekonstruktsii ritualov i predstavleniy* [Funeral Monuments of the Sintashta and Andronovo Populations as a Source for the Reconstruction of Rituals and Ideas]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
17. Berseneva, N.A. (2017) Deti v neindividual'nykh zakhoroneniyyakh epokhi bronzy Yuzhnogo Urala: ob'ekt ili sub'ekt? [Children in Non-Individual Burials of the Bronze Age of the Southern Urals: Object or Subject?]. In: Beysenov, A.Z. & Loman, V.G. (eds) *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana. Izucheniye i sokhraneniye* [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan. Study and Conservation]. Vol. 2. Almaty: Nauch.-issl. tsentr istorii i arkheologii "Begazy-Tasmola". pp. 61–64.
18. Kitov, E.P. (2008) Antropologicheskie materialy srubno-alakul'skogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya [Anthropological Materials of the Srubnaya-Alakul Time of the South Trans-Urals]. *Vestnik ChelGU. Seriya: Istoriya*. 5. pp. 96–105.
19. Bisembaev, A.A. & Umrikhin, S.M. (2011) Mogil'nik epokhi pozdney bronzy v Aktyubinskoy oblasti [The Burial Ground of the Late Bronze Age in the Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 225. pp. 263–274.
20. Rafikova, Ya.V. & Savel'ev, N.S. (2015) [Paired Burials of the Late Bronze Age Burial Ground of Tashla-I in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Proceedings of the All-Russian Conference. Chelyabinsk: Chel. GKM. pp. 151–159. (In Russian).
21. Fedorov, V.K. & Rafikova, Ya.V. (1996) Berezovskiy V kurgannyi mogil'nik epokhi bronzy v Yuzhnom Zaural'e [Berezovsky V Burial Mound of the Bronze Age in the South Trans-Urals]. *Bashkirskiy kray*. 6. pp. 49–71.
22. Rafikova, Ya.V. (2014) Parnye pogrebeniya alakul'skoy kul'tury na Yuzhnom Urale [Paired Burials of the Alakul Culture in the South Urals]. In: Molodin, V.I. & Epimakhov, A.V. (eds) *Arii stepey Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh* [The Arian of the Eurasian Steppes: The Bronze and Early Iron Age in the Steppes of Eurasia and in Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 228–243.
23. Rafikova, Ya.V. (2008) Srubno-alakul'skiy kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh zakhoroneniyy epokhi bronzy [The Srubnaya-Alakul Barrow of the Selivanovsky II Burial Ground From the South Trans-Urals and the Problem of Twin Burials of the Bronze Age]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 72–83.
24. Mukhametdinov, V.I. (2017) *Nerazluchnyye. Interv'yu s Ya.V. Rafikovoy ot 07.05.2017* [Inseparable. Interview with Ya.V. Rafikova of 07.05.2017]. [Online] Available from: <http://archeology-rb.ru/index.php/blog/item/417-zapis-v-bloge-nomer-1>. (Accessed: 9.05.2017).
25. Rafikova, Ya.V. & Fedorov, V.K. (2017) *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya* [Mounds of the South Trans-Urals]. Book 1. Ufa: Kitap.
26. Spyrou, M.A. et al. (2018) Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague. *Nature Communications*. 9. 2234. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9>. (Accessed: 15.06.2018).

Received: 19 January 2020